

Мама

Соня стояла на автобусной остановке и тряслась от холода под огромным жёлто-синим зонтом. Её рабочий день закончился в восемь вечера: пришлось переделывать отчёт. Обиднее всего, что отчёт был вполне сносный. По крайней мере, ничуть не хуже, чем все предыдущие. Но начальница отдела поругалась с мужем и пребывала в отвратительном настроении. А тут Сонины бумажки под руку подвернулись. Вот она и отвела душу.

А ведь именно сегодня сердить начальницу было никак нельзя: Соня собиралась попросить у неё разрешения уйти завтра после обеда. Отпрашивалась она лишь в самых крайних случаях, никогда не брала больничный – боялась потерять работу. Сейчас как раз такой случай, но как обратишься с просьбой, если начальство тобой недоволено? Короче говоря, так и не рискнула подойти и поговорить.

Трудилась Соня в плановом отделе судебного управления и всем сердцем ненавидела свою работу. Управление представляло собой унылое учреждение с невнятными задачами и раздутым штатом. Работали здесь в основном дамы предпенсионного возраста да вчерашние студенты, которых привлекал статус госслужащего и соцпакет. Соня и сама пришла сюда после юрфака, хотела набраться опыта в околоюридическом учреждении, да так и застряла. На семнадцать лет. Подумать только – семнадцать лет! Целая жизнь!

Жизнь, наполненная бессмысленными отчётами, сметами, графиками, совещаниями и сплетнями коллег...

Покончив, наконец, с отчётом, Соня выбежала на улицу и увидела, что её автобус отходит от остановки. Она зачем-то бросилась вдогонку, споткнулась и едва не упала. Когда проезжавшая мимо машина окатила её грязной дождевой водой, Соня не удивилась и почти не расстроилась: разве могло быть иначе?

Ужасный, ужасный день, поскорее бы он закончился. Она близоруко щурилась, вглядываясь в номера подъезжающих автобусов, и переминалась с ноги на ногу без особой надежды согреться. Мама всю ночь капризничала, не давала спать, а утром, когда дочь попыталась её накормить, сердито замычала, толкнула Соню под руку, и та опрокинула полную тарелку жидкой овсяной каши. Соня не выдержала, накричала на мать, обозвала неблагодарной эгоисткой и ещё некоторыми нехорошими словами. Стыдно, гадко. На душе весь день скребло и царапало.

Соня не могла не признаться себе, что в последнее время стала всё чаще срывать. Мама, понятное дело, больной человек, два инсульта перенесла, не встаёт с постели, ничего не соображает. Её пожалеть надо. Соня и жалела, и всё, что необходимо, делала, но она ведь не железная! «Дальше так продолжаться не может!» – то и дело вертелось в голове. Соня старалась отбросить эту

мысль на дно сознания, но она упорно всплывала, карабкалась вверх.

В следующий автобус она тоже не попала. Не сумела влезть: к дверям устремилась такая толпа, что ей сделалось страшно. Озверевшие от холода и долгого ожидания люди пихались и толкались локтями, продвигаясь внутрь, а Соня стояла поодаль и старалась убедить себя, что скоро приедет ещё один автобус.

На самом деле надежды на это оставалось мало: час слишком поздний. «Надо было на метро, – тоскливо подумала Соня, чего сразу не пошла?» Поколебавшись пару минут – очень уж не хотелось плестись по такой погоде несколько кварталов, да к тому же ещё идти через тёмный мокрый сквер – она решительно направилась в сторону станции метро. Ладно хоть то, что холод уже почти не чувствуется: пробрался глубоко внутрь, угнездился в костях, растворился, стал частью её существа.

Она шагала быстро, и вскоре добралась до ограды сквера. Сквер довольно большой: четыре длинные аллеи, окаймлённые деревьями и кустарниками; скамейки, качели, горки, а в центре – скульптура Атланта с земным шаром на плечах. Гипсовый Атлант на редкость уродлив и несуразен: коротконогий, короткорукий, с широкой спиной и нелепой маленькой головкой на бычьей шее. Сейчас он призрачно маячил белым пятном где-то впереди.

Летом и весной, в хорошую погоду, Соня любила бывать здесь и часто заходила в обеденный перерыв, присаживалась на лавочку – посидеть, подумать, полакомиться мороженым. Мимо проносились мальчишки на велосипедах, важно расхаживали молодые мамочки с колясками, жмурились на солнышко пенсионеры... Однако сейчас в сквере мрачно и безлюдно. Дети, мамы, старики давно дома. Соня крепче сжала зонт и двинулась вперёд.

Всё произошло, когда она почти дошла до статуи Атланта. Кто-то высокий, сильный и стремительный беззвучно кинулся на неё и грубым рывком выдернул

из рук сумку. А потом, не дав опомниться, так же бесшумно и быстро растаял в темноте. И снова – пустой осенний сквер, тьма, несмолкающий шорох дождя. Соня не успела ни испугаться, ни позвать на помощь, ни оказать хоть какого-то сопротивления. Она стояла посреди сквера, оглушённая, растерянная, и не могла сообразить, что же теперь делать.

Внезапно налетел резкий порыв ветра, тонкие спицы зонта не выдержали, и их вывернуло наружу. Ветер, словно злое живое существо, принялся яростно рвать зонтик из Сониных рук, и она судорожно вцепилась в него, силясь удержать и одновременно стараясь поправить спицы. Но ничего не получалось, вдобавок одна спица переломилась пополам, и теперь зонтик висел раненой птицей с перебитыми крыльями. Дождь, словно издеваясь, припустил сильнее, холодные капли заливались за воротник, и Соня вновь задрожала от холода. Устав сражаться с зонтом, она в отчаянии швырнула его прочь и запоздало крикнула:

– Помогите! Кто-нибудь!

Конечно, никто не отозвался. Да если бы и проходил человек мимо, чем он мог бы помочь ей? Разве что взять под свой зонтик. Грабитель-то уже скрылся.

Соня настолько измучилась и устала, настолько подкосил её сегодняшний бестолковый и трудный день, что не осталось сил ни плакать, ни горевать. Между тем ситуация была аховая: в старой, с рваной подкладкой и потёртыми боками сумке, которую давным-давно следовало выбросить, лежали ключи от квартиры!..

Больше ничего ценного внутри не имелось: таблетки, пудра и помада в косметичке, расчёска, аккуратно свёрнутый целлофановый пакет, чехол от зонта, кошелек из коричневого кожаного материала. В кошельке, разбросанные по отделениям, притаились сто шестьдесят пять рублей. Сотовый и транспортная карта, к счастью, лежали в кармане пальто. Впору тревожиться, что разозлённый, разочарованный убогим

уловом грабитель вернётся и расправится с хозяйкой сумки.

Она поглубже засунула руки в карманы и побрела к выходу из сквера. Домой сейчас не попасть, придётся сначала зайти к Максиму. Хорошо ещё, что у него есть дубликаты ключей, и живёт он в десяти минутах ходьбы отсюда.

Разумеется, запасная связка имеется у соседки, тётки Кати. Тётя Катя – спасительница, палочка-выручалочка, подарок судьбы. Когда Соня на работе, она присматривает за мамой: заходит проведать, кормит обедом – делает всё, что потребуется. И берёт с Сони по-божески. Как бы она обходилась без тётки Кати – уму непостижимо. Нанимать сиделку – нереально. Соне не по карману. И работу не бросишь: жить на что-то нужно.

По закону подлости, именно сегодня бессменная тётка Катя позвонила и предупредила, что срочно уезжает к дочери в Зеленодольск. Сообщила, что покормила маму обедом, и отбыла. Вернётся послезавтра, в субботу. Поэтому Соня и собиралась отпроситься у Зои Викторовны: мать ведь без присмотра на целый день не оставишь. В итоге и с начальницей не поговорила, и без ключей осталась...

Соня поёжилась, представляя, что скажет Максим, когда увидит её на пороге. Если бы не безвыходное положение, она и не подумала бы рассказывать ему про ограбление: знала, что Макс ужасно рассердится, станет упрекать за глупость и опрометчивость. Сам-то он человек серьёзный и осмотрительный, продумывает каждую мелочь. С ним точно ничего подобного не могло бы случиться.

Познакомились они в прошлом году в этом самом сквере, и Соня до сих пор не привыкла к мысли, что в будущем может выйти замуж за такого мужчину. И вообще не помышляла, что у неё, в её-то возрасте, да с большой матерью на руках, могут завязаться отношения. Соня тушевалась в присутствии Максима, понимала, что проигрывает на его фоне. Порой ей казалось, что он сты-

дится её неловкости, неумения с шиком одеваться и раскованно держаться на людях. С другой стороны, Соня чувствовала, что Макс нуждается в ней. И это главное.

...Спустя некоторое время она уже сидела в кресле, крепко сжимая в руке связку ключей. Их острые грани больно врезались в ладонь, и это отвлекало, помогало сдерживаться. Максим, как Соня и предвидела, отчитывал её, словно двоичницу, и голос его всё повышался и повышался.

– Мало того, что ты, как полная дура, торчишь на остановке, хотя ежу понятно, что в автобус в такое время не сядешь, так ещё и через сквер попёрлась! Это же верх идиотизма! Даже для тебя! Неужели нельзя было сообразить, что лучше обойти! Потратить чуть больше времени, зато...

– Максик, я просто очень... – решила перепить Максима Соня.

– Я тебе миллион раз повторял: не смей называть меня этой кошачьей кличкой! – раздражённо рявкнул он. – Когда ты, в конце концов, научишься запоминать, что тебе говорят!

– Извини, пожалуйста, вырвалось, – торопливо проговорила Соня и ещё сильнее сжала в руках ключи.

– «Вырвалось», – передразнил Максим.

Он слегка выдохся: устал бранить Соню. Прошёл через комнату к шкафчику, открыл стеклянную дверцу, достал высокую пузатую бутылку коньяка и хрустальную рюмку. Макс пил коньяк, как водку: быстро, не смакуя. Налил, выпил. Подумал, плеснул ещё. Опрокинул в себя. Прикрыл глаза: ждал, когда подействует.

Соня молча следила за его манипуляциями, терпеливо дожидаясь подходящего момента, когда можно будет встать и уйти. Максим, перехватив её взгляд, машинально приосанился: знал, что хорош собой, и привык гордиться своей внешностью, производить впечатление, восхищать.

Неожиданно на Соню широкой волной накатило отвращение к Максиму.

m. Akhat

www.makhat.com

Она сама испугалась силы и отчётливости этого ощущения. Аккуратная фигура Макса в щеголеватом спортивном костюме, который он любил носить дома, его глянцевое лицо, отполированные ногти, отбеленные зубы, золотая печатка на мизинце, запах дорогого одеколона – весь его облик был глупым, неуместным, пустым. Даже безусловная красота Максима вдруг показалась плоской, банальной: взору словно бы не за что зацепиться, и он постоянно соскальзывает с гладкой лакированной поверхности.

«И профессия у него какая-то... женская, – подумала Соня. – Как может мужчина всю жизнь проработать бухгалтером? Пусть и главным».

В прихожей нежно запиликал телефон. Максим вздрогнул, смешно вытянул шею, прислушиваясь, слегка нахмурился, покосился на неё и выскочил из комнаты. Оставшись в одиночестве, Соня огляделась, словно попала сюда впервые.

Комната была такая же модная, дорого и броско обставленная, как и всё жилище Макса. На стенах непонятные картины, изображающие сложные сочетания разноцветных геометрических фигур. Мебель, люстры, светильники, шторы, ковры – всё кругом непростое, претенциозное, кричащее, купленное не для удобства, а для демонстрации. Соня вспомнила их с матерью просторную, но совершенно запущенную квартиру, давно требующую ремонта, и вздохнула.

Приглушённое бормотание смолкло, и Максим вернулся в комнату. Соня заметила, что щёки его слегка покраснелись, то ли от выпитого коньяка, то ли от разговора.

– С работы звонили, – буркнул он. Потеребил ворот рубашки и запоздало предложил: – Может, чаю выпьешь?

«В десятом часу – с работы?» – подумала Соня и подскочила на месте. Десятый час! Что же она сидит?!

– Нет-нет, спасибо, Макс, мне надо бежать.

Соня несмело улыбнулась, поднялась с кресла и направилась к двери.

– Уже поздно, а мама целый день дома одна ...

– Мама, мама... Если бы ты знала, как мне осточертела твоя мамаша, – зло бросил Максим. Злость в его голосе была такой отчётливой и явной, такой чистой и неразбавленной, что Соня замерла на месте и удивлённо посмотрела на Макса.

– А что?! Второй год только и слышу: «мама то, мама сё». Сколько можно!

– Что же я могу поделать, раз так сложилось? – тихо спросила Соня.

– Ой, только не надо вот этого! Нечего смотреть на меня святыми глазами. Можно подумать, тебе нравится говно за ней убирать и задницу мыть! Да к вам заходить противно! Запах этот... Как ты там за стол садишься?

– Зачем же ты, Максим... Я ведь постоянно убираю, проветриваю, мою. Ничем там особенным не пахнет. Тебе только кажется.

– Ладно, не в этом дело, кажется – не кажется, – нетерпеливо отмахнулся он, – мы с тобой пожениться хотим! А тут... Сколько ждать-то можно?

Максим сделал Соне предложение через полгода после знакомства. У него всё рассчитано с бухгалтерской обстоятельностью: они женятся, за дорого сдают его квартиру, а в Сониной делают полную перепланировку и переселяются туда.

Просто обомлел он, когда впервые оказался у Сони дома. Ведь всегда мечтал о такой квартире с огромными комнатами, длинными прохладными коридорами, высоченными гулками потолками и роскошными тяжёлыми двустворчатými дверями. Ах, как бы он здесь развернулся, какую красоту навёл, какой ремонт отгрохал!

Он продумал каждую мелочь, мысленно видел малейшую деталь, и ему не терпелось начать воплощать в жизнь грандиозные замыслы. Но вот уж сколько прошло, а Сониная мать всё жила и жила. У неё, недавно сказал врач, здоровое сердце. И биение этого сердца, каждый его удар, нарушали выверенные планы.

И потом всё-таки не на квартире же он решил жениться. В Соне его подкупали душевная мягкость и смиренность, которых нынче днём с огнём не сыщешь. И ещё, может быть, это и главное, – надёжность. Вон как за полуживой матерью ухаживает. Не бросает. Конечно, это уже бесит, но это и свидетельствует, что жены преданной не найти. А для амурных дел – мало ли цыпочек вокруг вьётся...

– Можно и раньше пожениться, – робко заметила Соня.

– Какой смысл сейчас бежать в загс? Ты не сможешь переехать сюда, а я не собираюсь жить у тебя, пока там...

– Макс, скажи, что ты предлагаешь? – глухо проговорила Соня и опять почувствовала, что очень, очень устала. Как-то вся обмякла. Состарилась. Даже моргать и дышать стало трудно. И жить – тоже.

– Что я предлагаю? – громко и с напором переспросил Максим. – О себе подумать я тебе предлагаю, дорогая моя! Посмотри – как ты живёшь? Вся зарплата на подгузники, лекарства и эту... как её... тётю Катю уводит. Над копеейкой трясешься, одета чёрт-те как. Три года этот кошмар тянется! А ты подумала – вдруг и ещё три года! И ещё! И ладно бы твоя мать хоть понимала что-то! Так ведь нет! Тебя не узнаёт, ничего не соображает, не говорит, мычит и орёт дурниной. А ты как сумасшедшая носишься вокруг неё, то присадишь, то уложишь! – Макс жестами изобразил, как Соня «носит» её. – В ванную таскаешь эту тушу. Вон, сама вся высохла.

– Что ты предлагаешь? – упрямо, сама не зная зачем, вновь спросила Соня.

Максим немного помолчал и заговорил спокойнее, в голосе появились проникновенные, журчащие, мягкие нотки.

– Софка, я давно собирался с тобой поговорить. Я, возможно, бываю резок, но ты же знаешь, малыш, как я к тебе отношусь! Беспокоюсь о тебе! В общем... существуют специальные дома для таких больных, как твоя мать. Мы могли бы поместить её туда. Я узнавал,

что да как. Это непросто, но у меня, как ты знаешь, есть возможности. – Максим сделал выразительную паузу и продолжил: – Тебе не нужно будет ни о чём беспокоиться, просто дай согласие и предоставь это дело мне. Я сам всё улажу наилучшим образом. Софочка, поверь, там за мамой будут хорошо ухаживать. Ничуть не хуже, чем ты. А может, и лучше. Это же специалисты! Только прошу тебя, не говори сразу «нет»! Подумай, так для всех будет лучше, и для твоей матери в первую очередь.

Слова Максима звучали убедительно и умно. Когда давал себе труд, он умел быть обходительным и по-кошачьи ласковым. В самом начале их романа Соня совершенно потеряла голову от его томной, заботливой нежности. В нужные моменты Максим становился обворожительным, любящим и милым, и этим держал её так крепко, что она и помыслить не могла о разрыве.

– Малыш, ты же совершенно вымоталась! А кому нужны твои жертвы? Разве ты не устала вскакивать по ночам, суетиться с уколами, капельницами... Твоя мать, если бы могла меня слышать, одобрила бы такой шаг, уверяю тебя! И потом, положи руку на сердце, ты ведь понимаешь: ей абсолютно всё равно, кто за ней «утки» выносит! Софка, ну, что ты молчишь? Слушай, а переночуй-ка сегодня у меня! Поужинаем, отдохнём, вина выпьем. У меня есть твоё любимое, персиковое. – Максим придвинулся ближе, тягуче посмотрел на Соню, по-хозяйски небрежно положил горячую руку ей на бедро.

Пахнуло одеколоном и коньяком. Она стояла, беспомощно смотрела на него, такого красивого, крепкого, уверенного в своей правоте, и не могла пошевелиться. Собственные смутные вороватые мысли, безжалостно облёченные Максом в слова, раздавили её, прижали к земле, уничтожили.

– Понимаю, решиться трудно. Но ты взвесь всё, поразмысли спокойно. Никто не требует немедленного ответа! Всё будет отлично, обещаю тебе, – продолжал ворковать Максим, пытаясь

поймать Сонин взгляд. – Софка, мы поженимся, начнём новую, нормальную жизнь. Если хочешь, сможешь бросить работу. Ребёнка родишь. Сейчас и в сорок с гаком рожают, а тебе только... сколько? Тридцать восемь, так?

Соня машинально кивнула. Он говорил ещё что-то, но она перестала слышать.

Мама тоже родила её поздновато, в тридцать шесть: долго не удавалось забеременеть. Они с отцом десять лет прожили, прежде чем появилась долгожданная дочка. Мама рассказывала, что отец плакал от счастья, когда увидел новорожденную. А через год умер от инфаркта. Совсем молодым ушёл, сорока не было. Мать больше замуж не выходила.

Она почему-то вспомнила, как они с мамой собирались каждое утро в садик и решали, какую сделать причёску. Можно простую косичку заплести, а можно «колосок». Или «хвостики» сделать. А ещё «корзиночку» или, как говорила мама, «загибчики»: заплести две косы и загнуть их крендельками кверху, закрепить бантиками. Так увлекателен, так весел был этот утренний ритуал...

Вспомнила, как вечерами мама, укладывая маленькую её спать, надевала на дочку яркую пижамку, а потом долго гладила по спинке, плечикам, ручкам, целовала, крепко прижимала к себе и приговаривала: «Солнышко ты моё! Красавица моя! Зайчонок мой! Ласточка!» И пахло от мамы чем-то необъяснимым, уютным, тёплым...

Вспомнила, как они с мамой вечерами делали уроки. Она училась в математической школе да вдобавок ходила в музыкальную. Задавали много, и, хотя училась хорошо, но иногда так уставала, что не успевала всё сделать. Мама всегда помогала, чем могла. Однажды заснула за письменным столом, а потом проснулась и обнаружила, что лежит в своей кровати, а мама сидит за столом и старательно переписывает с черновика в тетрадку задачи по математике: почерки у них были один в один...

Вспомнила, что, будучи робкой и

стеснительной, до слёз боялась идти в первый класс, знакомиться с ребятами. Мама подвела её к зеркалу и сказала: «Видишь эту девочку? Посмотри-ка на неё внимательно! Её зовут Соня, и она очень хорошая девочка, умная, добрая. Она обязательно со всеми познакомится, ребята узнают её и полюбят. Всякий раз, когда будешь смотреться в зеркало, зайчонок, помни, что ты достойна любви и уважения, и никогда ничего не бойся!»

– Кто тебе звонил? – внезапно произнесла Соня.

Максим опешил. Отвёл глаза, убрал руку. Он принял Сонино молчание за согласие с его доводами и не ожидал этих слов, да и вообще никогда не ждал от застенчивой послушной Сони неудобных вопросов.

– Я, кажется, ясно сказал: с работы, – стараясь скрыть растерянность, с вызовом проговорил Макс. – А в чём дело? Ты что, в чём-то меня подозреваешь?

– Не нервничай, Максим. Я пойду, – спокойно ответила Соня, прямо глядя ему в лицо. – Мне пора.

Дома, сбросив в прихожей пальто и сапоги, она ринулась в мамину комнату, распахнула дверь. И застыла на пороге, вслушиваясь в тишину, не осмеливаясь подойти ближе.

– Мама! Мамочка! – шёпотом позвала Соня, прекрасно зная, что та не ответит.

Тёмная фигура на кровати слегка шевельнулась, послышался тихий вздох. Облегчение было таким сильным, что у Сони закружилась голова. Она покачнулась и прислонилась к косяку, чтобы не упасть. Подошла к маминной постели и включила ночник. Жёлтый свет выхватил из мрака привычные предметы: шкаф, кровать, письменный стол, уставленный лекарствами, вытертый палас, стулья... Мамин портрет на стене. Соня задержала на нём взгляд: мама здесь точно такая, как в её детских воспоминаниях. Нежный овал лица, русые волосы собраны в высокую

причёску, мечтательный, чуть рассеянный взгляд устремлён куда-то вдаль. Улыбается, но глаза всё равно кажутся грустными.

Соня отвернулась от портрета, осторожно присела на стул возле кровати и посмотрела на маму – та спала. Изрытое морщинами отёчное лицо, с которого долгая тяжкая болезнь безжалостно стёрла живость и красоту, недовольно сморщилось. Истончившиеся губы сжались в узкую бледную полоску. Седые волосы, которые Соня коротко стригла, сердито топорщатся. «Прости меня, мамочка!» – хотела сказать Соня, и не смогла. Слова не шли, казались фальшивыми. Вместо них полились слёзы, непролитые за целый день. Да и не только за день. Соня спрятала лицо в ладони и долго рыдала, трясясь, икая и всхлипывая, раскачиваясь из стороны в сторону.

А потом рядом прошелестело:

– Прости...

Соня резко вскинула голову и отняла руки от лица. Мама пристально, напряжённо смотрела на неё, и это не был тот мутный бессмысленный взгляд, к которому Соня привыкла в последнее время. Мама смотрела, как раньше, и в поплёкших, когда-то ярко-зелёных глазах её застыла такая невыносимая, пронзительная боль, что Соня задохнулась. Она поняла: это боль за неё, за Сою.

– Прости, – снова с огромным усилием прошептала мама, – доченька, измучила... Скорее бы...

– Нет, что ты говоришь! – вскрикнула Соня, упала на колени подле кровати и торопливо, бессвязно забормотала, поглаживая маму по волосам и рукам: – Перестань, мамочка, ну что ты! Я так тебя люблю, как же я без тебя... одна... Это ты прости меня, прости! Больше никогда... Никогда больше... Ты поправишься! Обязательно! Видишь, заговорила! Чудо такое... Чудо чудесное... И никто нам не нужен... И не бойся. Ничего не бойся! Мы справимся. Всё у нас получится, всё-всё...

Соня ещё долго сидела на полу,

говорила и говорила, надеялась, что мама ответит. Но та больше ничего не сказала. Тихо лежала, прикрыв глаза. Слушала? Слышала? В уголке правого глаза застыла крошечная слезинка.

После она проделала обычные процедуры, прибралась, поправила бельё на постели. От ужина мама отказалась – так и не открыла глаз, повернулась лицом к стене.

«В субботу надо будет помыться, две недели прошло», – автоматически отметила Соня. Одной, без помощи тёти Кати, ей не справиться, но послезавтра соседка как раз вернётся из Зеленодольска.

Был уже почти час ночи, когда она вышла из душа, выпила чаю с лимоном и легла спать. Перед тем, как лечь, прошлась по комнате и сложила в небольшую картонную коробку вещи, которые напоминали о Максиме. Их набралось немного: настенные часы, фотографии, абстрактная картина в вычурной раме, пара книг, шёлковый шарф – подарок ко дню рождения, кое-какие мелочи... Вроде бы ничего не забыла. Завтра она придумает, куда это девать. Напоследок Соня внесла номер Максима в «чёрный список». Вот теперь – всё. Теперь – правильно.

Соня заснула быстро, и спала глубоко и спокойно, как в детстве. Ей снилась мама. Она была в нарядном светлом платье, счастливо улыбалась, оживлённо говорила что-то и полузабытым жестом поправляла длинные волнистые волосы. В правой руке она держала букет пионов. «Это же её любимые цветы!» – вспомнила Соня и радостно засмеялась в ответ. Она смотрела на маму и никак не могла наглядеться на неё, молодую, здоровую, красивую.

В половине четвёртого Соня проснулась, словно от чьего-то лёгкого прикосновения, на мгновение открыла затуманенные глаза и посмотрела вглубь комнаты. Повернулась на бок и опять провалилась в сон.

Она была совершенно одна в пред-рассветной тишине, но ещё не знала об этом.

Мушкетёры

44

Нина Васильевна решила сварить на обед грибные щи: всегда любила их больше, чем мясные. К тому же начался Великий пост. Хотя, конечно, поститься Нина Васильевна не собиралась: здоровье не позволяет, несколько лет назад врачи обнаружили сахарный диабет. Ничего, рассудила она, Бог простит. И так приходится постоянно во всём себе отказывать: что-то врачи запрещают, на что-то пенсии не хватает.

Нина Васильевна, натужно кряхтя, нагнулась и достала из ящика под мойкой крупную морковь. Придирчиво оглядела её и принялась чистить ножом с коричневой облезлой ручкой. Репчатый лук и грибы – самые дешёвые вещи – она уже вымыла, нарезала и бросила на сковородку. В большой тарелке с отколотым краем ждала своего часа нашинкованная капуста. Мать говорила, что битая посуда в доме не к добру. Но как-то рука не поднималась взять и выкинуть целую тарелку из-за одного маленького скола.

Надо будет сходить в коридор за картошкой. Нина Васильевна хранила её во вместительном деревянном сундуке, который сколотил когда-то муж. Хоть за это ему спасибо. После смерти Леонида прошло уже больше десяти лет, но Нина Васильевна до сих пор продолжала мысленно его отчитывать. Что хорошего она видела за годы совместной жизни? Одевалась из экономии кое-как, машину они не купили, на дачу не накопили, на курортах не побывали. На базу отдыха три раза съездили – вот тебе и весь курорт. Ремонт Лёнька делал-делал, да так и недоделал: балкон рейкой обит только наполовину.

Одно хорошо – дочь вырастили. Да и то... Светка как уехала после института за своим драгоценным Витенькой в

Краснодарский край, так носу к матери и не кажет. И раньше редко навещалась, а как Лёнька помер, вовсе дорогу забыла. Только на праздники звонит. Отмечается.

Нина Васильевна раздражённо швырнула очищенную морковь на разделочную доску и принялась нарезать её неровными кружочками. Конечно, мать плохая! А то, что она сорок лет в школе, как на каторге? Учитель физики – это вам не дворник какой-нибудь. И не инженеришка на заводе, вроде Лёньки. Не получается вернуться вечером с работы и все проблемы оставить за порогом. И тетрадки домой тащишь, и планы-конспекты, и проблемы с учениками. А ещё и приготовить надо, и постирать, и убрать, а после – опять за письменный стол. Где тут время найти на Светку!

Вот она вечно с папой да с папой любимым. Постоянно шептались о чём-то, секретничали. Потом он пить начал, и Нину Васильевну прямо колотило от злости. Смотреть на него, скотину, противно было. А Светка – «папуль, покушай» да «папуль, ляг, поспи»... Сюсюкалась с ним, как с дитём малым. Однажды, тварь неблагодарная, психанула, да как выкрикнет матери в лицо: это из-за тебя, мол, папа спивается! Ты его заедаешь, жизни не даёшь! Нет, вы видели?! Нина Васильевна тогда аж дар речи потеряла от такой несправедливости.

Она резким движением вывалила оранжевую горстку моркови на сковороду, где уже скукожились и потемнели грибы и поджарился лук, быстро перемешала всё и накрыла крышкой. Отправила в кастрюлю капусту, вышла из кухни и двинулась в большую комнату.

Одно только и название – «большая»

шая». А на самом-то деле и эта комната, и вся квартирка крошечная и тесная. Нина Васильевна осторожно села на диван. Тот недовольно скрипнул и промялся под её немалым весом. Поправилась она в последние годы, что и говорить. Надо бы похудеть, да диабет этот!.. Нина Васильевна медленно обвела комнату рассеянным взглядом. Диван, пара кресел, журнальный столик с телефоном, облысевший ковёр, торшер на длинной ноге, телевизор на тумбочке да древняя полированная стенка – вот и всё богатство. Вроде и мало мебели, а такое чувство, что кругом заставлено, ходишь – на углы натыкаешься.

В комнате почти всегда сумрачно: Нина Васильевна привыкла задёргивать тёмные шторы, чтобы не любоваться свалкой на балконе. Она скидывала туда вещи, которые выкинуть жалко, а дома держать негде. Постепенно гора росла, и в результате на балкон стало почти невозможно выйти. Выстиранное бельё приходилось развешивать на верёвках в ванной. Нина Васильевна всё ждала, когда дочь приедет и разберёт эти завалы. Но дочь не ехала.

Переведя дух, Нина Васильевна направилась в коридор за картошкой, прихватив по пути потрёпанное пластиковое ведёрко. Вышла из квартиры, подошла к ларю, открыла его и принялась кидать в ведро разномастные бугристые клубни. Перед тем, как вернуться обратно в квартиру, покосилась на Анечкину дверь. Спит ещё, небось. До полуночи, наверное, книжки читала. Нина Васильевна покачала головой и скрылась у себя.

Если подумать, никого в жизни и не осталось, кроме Анечки Тумановой да Борьки Рябинина, который живёт в соседнем доме, на пятом этаже. Вот ведь как странно вышло...

Анечка, смеясь, называла их «тремя мушкетёрами». Когда-то они учились в одном классе. Нина сидела за партой с Борькой, а Анечка – впереди, с Колей Демченко. Её уже тогда все называли только Анечкой, так она ею и осталась, хотя в шестьдесят четыре года это уже

смешно. Анечка всю жизнь проработала в каком-то московском издательстве художником, разукрашивала детские книжки. Тоже мне работа, фыркала про себя Нина Васильевна.

После окончания школы они потеряли друг друга из виду. Света всех вместе, соединила Анечка, которая вновь поселилась в Казани около семи лет назад. Похоронила мужа, с которым жила в Москве, продала там свою квартиру и купила здесь, в родном городе. Удивительно, но ей повезло найти подходящее жильё в том самом доме, где когда-то она жила с родителями и братом Арсением! Она вообще всегда была везучая.

Квартира её родителей была ровнёхонько над квартирой Нины Васильевны. Все десять школьных лет Анечка поутру спускалась на Нинин второй этаж и ждала подружку на лестничной клетке. Она выходила, и девочки отправлялись в школу, которая находилась в соседнем дворе. В этой самой школе Нина Васильевна, окончив пединститут, проработала до самой пенсии. Так и прошла вся жизнь в школьных стенах, здесь она сначала росла, потом старилась.

Сейчас в бывшей Анечкиной квартире живёт молодая семья с маленьким ребёнком. Нина Васильевна, счищая с картошки тонкую коричневую стружку, недовольно глянула наверх. Что за несносный мальчишка! Когда был младенцем, днём и ночью орал-надрывался, а теперь подросток, плакать перестал, зато принялся шумно играть, громко болтать и постоянно носиться по дому, стуча пятками. Нина Васильевна всякий раз, встречаясь с соседкой во дворе, строго выговаривала ей за сына учительским тоном. Та смущалась, оправдывалась, извинялась.

Когда Анечкины родители умерли, не в один день, конечно, но в один год, по очереди, квартира досталась Арсению. Анечка, в отличие от Нины Васильевны, выгодно вышла замуж за москвича, перебралась к нему в столицу и добровольно отказалась от своей доли на-

следства. Легко быть добренькой, когда нет проблем с деньгами! Арсений квартиру родительскую продал, и подался в ту же Москву, вслед за сестрой. Тоже женился там, сына родил, а потом раз – и попал под поезд. Из родни у Анечки остался только племянник, Сашка.

Вот скажите, стал бы нормальный человек менять столицу, где у неё, между прочим, единственный родственник имеется, на провинцию?! Но Анечка с детства была странная, чудная. Когда она появилась на пороге Нининой квартиры, та чуть в обморок не упала. Столько лет не виделась! Анечка на шею ей бросилась, давай обниматься, слёзы от счастья лить. И вроде всё такая же, как на выпускном. Нина Васильевна даже поморщилась от досады.

Сама-то она отяжелела, погрузнела. Раз в полгода делала на голове практичную «химию» в парикмахерской, где пенсионеров стригли и причёсывали со скидкой. Носила тёмные добротные костюмы, квадратные пальто, мохнатые кофты из колючей шерсти, а дома – пёстрые фланелевые или сатиновые халаты. По возрасту! А бывшая подруга Анечка стояла перед ней в брючном костюме песочного цвета с легкомысленными васильково-бирюзовыми вставками. На шее – шифоновый лазоревый шарфик. В ушах – длинные серебряные серёжки с синими камушками. Стрижка затейливая – волосок к волоску. Туфельки на каблукке. Фифа.

Нина Васильевна подумала, что это она в честь приезда так вырядилась. Но вскоре выяснилось, что Анечка постоянно что-то этакое на себя напяливает и волосы укладывает. Даже дома. И шарфиков этих у неё миллион, к каждой тряпке – свой, подходящий. А уж в квартире (которая, кстати, побольше, чем у Нины Васильевны) чего натворила! Денег-то, видать, от продажи московской квартиры о-го-го сколько осталось, вот и хватило на шикарный ремонт.

Но, вынуждена была признать Нина Васильевна, забегая к Анечке каждый день, дело вовсе не в дорожке плитке, натяжных потолках и гладких обоях

с набивным рисунком. У Анечки всё диковинно. Две стены сама красками расписала, навроде фотообоев. Статуэтки какие-то, цветы в кадках, мебель светлая, коврики разные, картины... Борька, как пришёл, сказал, что в этом доме много воздуха и простора. Нина Васильевна губы поджала в ниточку и ничего не сказала.

Потому что воздуха – его везде одинаково. А эти двое вечно разговаривали так, что со стороны казалось: никого рядом с ними нет, одни на белом свете. Борька уж седой весь, а как Анечку снова увидел, спину стал держать и ботинки чистить. Смех да и только!

Нина Васильевна помнила, как Анечка рыдала на её плече после выпускного вечера. Увидела, что Борька поцеловался с Ленкой Веригиной! Нина точно знала, что Ленка сама на Борьке повисла, он растерялся и не успел её оттолкнуть, а тут Анечка возьми да и приди! Нина могла бы об этом подруге рассказать, но... не стала. Зачем? Пускай разбираются! В сердечные дела вмешиваться – себе дороже. Борька сам виноват: бегал за Анечкой чуть не десять лет, а так ничего и не сказал, только смотрел, как телёнок. И Анечка хороша: тоже сохла по нему и молчала. Взяла бы да призналась! Нет же, гордая.

Она-то, Нина, чего только не делала, чтобы Борьке понравиться! Домашние задания списывать давала, на контрольных подсказывала, юбку укоротила на три сантиметра – вспомнить стыдно... А он ноль внимания.

Эх, чего уж теперь... После выпускного Анечка с Борькой и не поговорили толком ни разу. Она в Москву учиться уехала, он в какую-то военную академию подался. Помотался-помотался по стране, и тоже несколько лет назад вернулся. Женился, говорит, целых два раза. Только не жилось что-то с жёнами. От первой супруги сын родился, в Германии давным-давно живёт.

У Борьки сын, у неё, Нины Васильевны, дочь. А всё равно одни, как и Анечка, которая так родить и не сподо-

билась. Почему? Бог вещь. Может, фигуру берегла.

Нина Васильевна запустила в кастрюлю к бодро булькающим овощам и грибам нарезанную кубиками картошку и убавила огонь. «Через двадцать минут можно отключать», – удовлетворенно заключила она. После надо в магазин сходить, сметаны купить и хлеба. Хотя, может, не стоит сметану-то? Как-никак пост... Нина Васильевна с минуту поколебалась, но решила побаловать себя. Что за щи без сметаны? В конце концов, может, и нет никакого Бога. Она всю жизнь физику преподавала, и ни одного доказательства его существования не увидела. А если Бога нет, так ради чего тогда суп без сметаны есть? А коли он всё-таки существует, то понимать должен: у неё диабет. Она большой человек.

Нина Васильевна задумчиво посмотрела в окно. На противоположной стороне улицы, на первом этаже пятиэтажки, располагался большой магазин. Когда-то он назывался лаконично – «Продукты», а теперь на вывеске красовалось мудрёное слово «Элком». Но магазин так и остался прежним, со скучными очередями и грубоватыми продавщицами. Правда, здесь теперь продавались ещё и хозяйственные товары. Люди входили и выходили, спешили по своим делам, а Нине Васильевне давно спешить было некуда, не к кому и незачем.

Выйдя на пенсию, она, незаметно для себя, стала останавливаться и подолгу беседовать у подъезда с другими пожилыми женщинами. У неё почему-то проснулся жадный интерес к чужим жизням, и они с Лидой Мясниковой и Любой Парамоновой подолгу смаковали, подробно обсуждали то, что не имело к ним лично никакого отношения.

Беседуя с соседками, Нина Васильевна меньше думала о себе. Постепенно таяла тяжкая обида на директрису Марину Альбертовну, однажды мягко намекнувшую ей, что пора на заслуженный отдых; на коллег и учеников, совсем не огорчившихся её уходу.

Нина Васильевна, оказывается, не так учила, не так объясняла, не так с детьми разговаривала... А то, что всю себя школе отдавала, дочь с мужем, можно сказать, забросила? Это, выходит, не считается?

Досужие разговоры позволяли забыть о дыре, которая образовалась в душе, и которую Нина Васильевна распознавала по ледяному холоду и горестному ощущению внезапной пустоты. А потом её товарки, которые были на десять-пятнадцать лет старше, одна за другой умерли. И каждый раз, вглядываясь в их мёртвые пожелтевшие лица, Нина Васильевна думала: есть ли там что-то? Есть ли тот, кто всё до дыры про тебя знает? Будет ли спрос? Но притихшие и умолкнувшие навсегда подружки не могли ей ответить. И во сне не являлись, чтобы поделиться впечатлениями.

После смерти Любы и Лиды Нина Васильевна вдруг стала сдавать. Всё чаще не могла найти сил выйти из дому. Заползали в голову ненужные, тягостные мысли про беспросветное, горькое, непроходимое одиночество. Вспоминался муж, Лёнька, и стало казаться, что она и впрямь перед ним виновата. И Светка почти не звонила и не ехала... Наверное, обижалась за покойного отца. Жила в своей деревеньке, грелась на берегу глупого беспечного моря, позабыв о матери, которую до костей пробирал глубокий смертный холод...

Неизвестно, чем бы это кончилось, может, и отправилась бы Нина Васильевна вслед за мужем и подружками, но тут, откуда ни возьмись, возникла Анечка. И вот уж который год она, Нина Васильевна и Борька каждый день встречались, захаживали друг к другу на чаёк, вместе смотрели телепередачи, ходили в магазин или аптеку. Ездили в сезон на старенькую Борькину дачу, копошились в земле.

Анечка приобщила друзей к театру, а ещё они полюбили смотреть фильмы в уютных современных кинозалах. Впрочем, если честно, больше это от-

носились к Борьке с Анечкой, которые вдобавок и по выставкам каким-то мотались, и по музеям-консерваториям. Нина Васильевна беззлобно ворчала и посмеивалась, когда восторженная Анечка вещала про экстаз, катарсис, очищение души, гениев-творцов и прочую чушь. Охота людям деньги на ерунду переводить?

В прошлом году с Борькой приключилась беда: разбил инсульт. Слава богу, они с Анечкой оказались рядом, сразу вызвали «скорую». Врачи подошли быстро, увезли Борьку в хорошую больницу.

Нина Васильевна, конечно, помогала. Приготовить там чего, купить-принести... Но выхаживала Борьку Анечка. Она и в больницу с ним поехала, и дежурила возле него. «Утки» таскала, кормила с ложечки, ночей не спала. Нина Васильевна как-то сказала ей, чего, мол, гробишься, сама уж не девочка, а у него сын, между прочим, есть. Пусть приезжает из своей заграницы и выхаживает отца! Квартира-то, случись чего, ему достанется. Анечка ничего не ответила, только посмотрела как-то странно, вроде бы жалостливо. И на этом – всё.

Врачи сказали, нужна реабилитация, специальные занятия. А это удовольствие недешёвое. У Борьки хоть пенсия и хорошая, однако этих денег не хватило бы. И снова Анечка помогла. У неё кое-какие сбережения имелись. Может, от проданной столичной квартиры, а может, накопила. Она, хоть с придурью, а своего, по всему видать, не упустит. И к тому же бездетная: на кого ей было лишнее тратить? Вот и набивала кубышку.

Борька реабилитацию прошёл, в санаторий съездил, и теперь оправился почти полностью, разве что ногу слегка приволакивал.

Суп сварился, и Нина Васильевна отключила газ. Теперь можно и в магазин сходить. К Анечке только надо забежать, спросить, пойдёт ли. Но не успела она выйти из кухни, как раздался деликатный стук в дверь. А вот

и Анечка, безошибочно угадала Нина Васильевна. Наверное, только встала, лежебока! Она поспешила в прихожую, распахнула дверь и раскрыла рот от удивления, увидев не только Анечку, но и Борьку.

– Откуда это вы вместе-то? – вместо приветствия буркнула Нина Васильевна, посторонившись и пропуская их в квартиру.

– Доброе утро, Ниночка! – прощепетала Анечка, Борька тоже поздоровался и вслед за ней прошёл в большую комнату. Нина Васильевна повернула ключ в замке и направилась туда же.

– Темновато у тебя, Нинуша! – в сотый раз заметил Борька, приблизился к окну и раздвинул занавески. – Так-то лучше.

– Ничего не лучше, – буркнула Нина Васильевна, – базар у меня на балконе-то.

– А ты на базар не смотри. Бери выше! Вон, солнце какое! – заливался Борька. Обычно он держался куда сдержаннее, но, видимо, был чем-то взволнован, оттого и болтал. Анечка тихо улыбалась.

– Чего нарядились-то, как на парад? – озадаченно спросила Нина Васильевна, наконец заметив, что «мушкетёры» одеты не по-домашнему. На Анечке было серо-голубое трикотажное платье, доходившее ей почти до щиколоток, на Борьке – костюм, в котором он обычно выходил в свет. – Собрались, что ли, куда?

– Собрались, – смущённо проговорил Борька и внезапно замолчал.

– Нинуша, дорогая наша, мы хотели тебе сказать... – пришла на выручку Анечка, запнулась, покраснела, как девочка, и выпалила слегка подрагивающим голосом: – Мы с Борей решили пожениться.

– Только что подали заявление! – Борька расплылся в счастливой улыбке, которая сделала его похожим на юношу, каким он был когда-то.

Нина Васильевна смотрела на них и не могла выговорить ни слова. Смысл

сказанного дошёл до неё сразу, но она отказывалась верить в происходящее. Новоявленные жених и невеста истолковали её молчание по-своему. Они переглянулись, и Анечка сбивчиво заговорила:

– Нинуша, ты, наверное, думаешь, что это очень глупо... В шестьдесят в молодости... и... Нам всё равно, кто что скажет. – В её интонации прозвучало что-то похожее на отчаянный вызов. – После Бориной болезни мы на многое взглянули по-другому. Никто не знает, сколько нам осталось! Хочется сделать то, что кажется правильным.

Она умолкла, и эстафету принял Борька. Он слегка приобнял Анечку за плечи и торжественно произнёс:

– Сколько ни отпущено, это время мы хотим провести вместе.

Они стояли перед Ниной Васильевной, взбудораженные, переполненные своим запоздалым, наивным счастьем, а ей казалось, будто её предали, отвергли. Так она чувствовала себя, когда её выгнали на пенсию. И ещё раньше, когда поняла, что Борька выбрал Анечку, и с этим ничего не поделаешь. Прошло почти пятьдесят лет, и Нина Васильевна вновь оказалась третьей лишней при этой парочке.

– Что, и свадьбу будете гулять? – брякнула она скрипучим голосом, просто чтобы не молчать.

Они расхохотались, и Анечка ответила:

– А что, гулять так гулять! Нинуша, на самом деле мы просто тихонько распишемся, а после все вместе, мы с Борей и ты, посидим в ресторане. Какие уж церемонии в нашем возрасте.

– Когда? – Нина Васильевна понимала, что ведёт себя странно. Надо бы показать, что она рада за них, пожелать им счастья, но слова не шли с языка. Внутри сжалась и не давала дышать тугая пружина.

– Обычно надо месяц ждать, но нам обещали в начале следующей недели «окошко» найти, – весело проговорила

Анечка, – испугались, наверное, вдруг не доживут старики!

Они снова засмеялись, довольные собой.

– Что ж, раз так, поздравляю, – наконец-то сумела выдать Нина Васильевна.

– Спасибо! – хором отозвались Анечка с Борькой.

– Ты уж извини, Нинуша, нам нужно бежать. Вечером всё обсудим, ладно, дорогая? Надо кольца купить и с рестораном определиться, – заторопилась Анечка, подошла вплотную к Нине Васильевне и крепко обняла подругу. – Остаётся всего-то несколько дней.

Борька с Анечкой засеменяли к двери. Нина Васильевна шла за ними. Теперь всегда будет так, мелькнуло в голове. У них – свои дела, заботы, своя жизнь, а Нинуша останется на прицепе. Общаться с ней они станут постольку поскольку. А может, и раньше так было, просто она не замечала?

– Погодите, а Сашка? А Артём? – неожиданно сообразила Нина Васильевна.

Артёмом звали Борькиного сына. Будущие молодожёны остановились. Анечкина спина чуть заметно напряглась. Борька обернулся и ответил, пожав плечами:

– А что Тёмка? Поздравил, счастья пожелал. Ты же знаешь, мы мало общаемся, он в Германии, у него своя жизнь. Сюда, наверное, никогда уж не вернётся.

Анечка тоже оглянулась и с деланным оживлением скороговоркой пролепетала, избегая смотреть подруге в глаза:

– Сашеньке тоже скажем на днях. До скорого, Нинуша!

Дверь за ними хлопнулась. Нина Васильевна пару минут стояла, тупо уперевшись взглядом в косяк, потом круто развернулась и побрела обратно в комнату. Упала в кресло. Получается, Сашка ничего не знает. Анечка боится говорить ему о своих планах. Скорее всего, собирается поставить перед свершившимся фактом. Видимо, пред-

полагает, что тот будет против. А может быть, попытается им помешать.

Нина Васильевна помедлила, вспоминая трепетно-счастливые лица Анечки и Борьки. Отбросив сомнения, решительно протянула руку к записной книжке и придвинула к себе телефонный аппарат. Несколько лет назад они на всякий случай обменялись номерами телефонов ближайших родственников.

Спустя некоторое время, попрощавшись с Анечкиным племянником и повесив трубку, Нина Васильевна сидела, прокручивая в памяти только что состоявшийся разговор. Сил подняться не было: словно выросла в кресло, не могла пошевелиться.

Беседа получилась – ни в сказке сказать. Нина Васильевна держалась с достоинством, сказала всё, как есть: спокойно проинформировала Сашку, что тётка чудит, собирается на старости лет замуж. Будущий супруг – инвалид, перенёс инсульт, придётся Анечке быть при нём сиделкой. Тонко намекнула, что жених, возможно, не бескорыстен. Уже пользовался Анечкиными средствами. Скорее всего, метит и на её квартиру. Иначе зачем бы ему настаивать на официальном бракосочетании? А ведь Сашка-то единственный наследник, разве это правильно, что жилплощадь уплывёт чужому человеку?

Она ждала, что Анечкин племянник

изумится, захаает-заохает, рассыплется в благодарностях. Начнёт горячо возмущаться вечным тёткиным безрассудством, непрактичностью, сумасбродством, старческим эгоизмом. Пообещает срочно выехать и разобраться в ситуации. А он, паршивец...

В голове не укладывается: обрадовался! Это кем же нужно быть, чтобы такому – радоваться! Нина Васильевна растерялась. Поначалу решила: может, недопонял чего. Потом подумала: шутит. Ёрничает. Оказалось, нет! Серьёзно говорит. Приехать, правда, пообещал. Чтобы тётушку любимую поздравить. И её, Нину, поблагодарил: спасибо, дескать, за отличную новость.

Вот и все дела.

Нина Васильевна глянула на простенькие настенные часы. Половина одиннадцатого, а она ещё не завтракала! Что теперь – с голоду помирать из-за этих дураков блаженных? Неожиданно проснулся зверский аппетит, ужасно захотелось только что сваренных грибных щей. Пусть и без сметаны, которую она так и не успела купить. Нина Васильевна выбралась из кресла, направилась было на кухню. Однако, сделав пару шагов, развернулась и подошла к окну. Задёрнула тёмные занавески, погрузив комнату в привычный полумрак и, больше уже не мешкая, отправилась завтракать.

